

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

К.П. Тиле

**Ступени развития религий:
Этические религии**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1905. № 4. С. 540-559.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

СТУПЕНИ РАЗВИТІЯ РЕЛИГІИ.

ЭТИЧЕСКІЯ РЕЛИГІИ.

Изъ лекцій проф. К. П. Тиле.

МЫ ОБРАТИМСЯ теперь къ разсмотрѣнію наиболѣе высоко развитыхъ религій, которыя мы назвали—по указаннымъ уже выше основаніямъ—этико-спиритуалистическими религіями откровенія, или короче—религіями *этическими*. Я называю ихъ *спиритуалистическими*, потому что онѣ характеризуются иногда доведеннымъ до крайности спиритуализмомъ; религіями *откровенія*, поскольку идея откровенія достигаетъ теперь совершенной ясности и зрѣлости, и поскольку специальное откровеніе, дарованное разъ навсегда божествомъ и запечатлѣнное въ священномъ письмени, составляетъ основаніе, на которомъ покоится религія; но, прежде всего и главнѣе всего, *этическими*, поскольку онѣ, возникая изъ этического пробужденія, стремятся къ болѣе или менѣе высокому этическому идеалу, идеалу, который уже не просто лишь координированъ съ религіей, а понимается какъ собственная воля Бога и эманация Его существа,—или, говоря болѣе абстрактнымъ философскимъ языкомъ—идеалу, объективированному и проинципированному въ понятіи о Богѣ. Я имѣлъ также случай замѣтить, что переходъ отъ натурь-религій къ этическимъ не совершается съ такой правильностью, какъ переходъ отъ низшихъ натурь-религій къ высшимъ, или отъ анимистическо-полидемонистическихъ къ упорядоченнымъ политеистическимъ, а совершается всегда чрезъ сознательную реформу,

а иногда даже чрезъ революцію. Все это теперь должно быть изяснено и раскрыто подробнѣе.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ относительно тѣхъ религій, которыя можно считать достигшими этой степени развитія. Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Мы достаточно лишь упомянуть о іудействѣ, возникшемъ изъ моисеевскаго общества, основанномъ на священномъ Тора, законѣ, открытомъ Моисею самимъ Богомъ, и на проповѣди богодохновенныхъ пророковъ; о браманническомъ обществѣ съ его Ведами, какъ книгой откровенія, обнимающей всю божественную науку искупленія, безконечной и вѣчной, не сочиненной древними пѣвцами, а дѣйствительно видѣнной ими; о конфуціанизмѣ, который чтить Конг-тсе, великаго мудреца Китая, въ качествѣ своего основателя, и владѣеть своимъ священнымъ писаніемъ въ пяти Книгахъ, или каноническихъ книгахъ, и четырехъ Шу, или классическихъ книгахъ, изъ коихъ послѣднія происходятъ изъ школы Конга; объ Исламѣ съ его Кораномъ, передающимъ откровенія, сдѣланныя Аллахомъ Мохаммеду, величайшему изъ всѣхъ его пророковъ; а также о нѣкоторыхъ другихъ религіозныхъ обществахъ, которыя возникли въ позднѣйшіе вѣка, главнымъ образомъ въ Индіи и Персіи, и которыхъ нельзя вполне отождествить съ браманизмомъ, буддизмомъ, или мохаммеданизмомъ, ибо они основаны отчасти на одной изъ этихъ религій, отчасти на христіанствѣ. Вопросъ о томъ, можетъ ли считаться этической религіей таоизмъ, другая великая китайская религія, подлежитъ еще изслѣдованію, для котораго я не считаю себя способнымъ; но судя по его историческому развитію я подозреваю, что онъ не имѣетъ на это никакого права. Ибо, хотя онъ и апеллируетъ къ Лао-тсе, — другому великому китайскому мудрецу, старшему современнику Конга, котораго этотъ послѣдній высоко уважалъ, хотя и не слѣдовалъ ему, — и къ его Тао-те-Кингъ, книгѣ Пути и Добродѣтели, какъ къ священному писанію, однако я боюсь, что онъ столь же мало можетъ претендовать на такое право, какъ мало можно найти родства между глупыми суевѣріями и ужасными магическими искусствами, въ которыхъ онъ находитъ удовольствіе, и мрачными, но глубокими умозрѣніями учителя. Напротивъ, религія Заратустры, которая господствовала въ иранскихъ областяхъ во время древняго персидскаго господства Ахеменидовъ, въ парянскомъ царствѣ Арсакидовъ, и средневѣковомъ государствѣ Сасани-

довъ, несомнѣнно принадлежитъ, по моему мнѣнію, къ этическимъ религіямъ; и для меня является загадкою, какимъ образомъ профессоръ von Siebeck можетъ причислять ее къ разряду высшихъ натуръ-религій, которыя онъ опредѣляетъ какъ религіи морали. Здѣсь нѣтъ недостатка ни въ одномъ изъ признаковъ спиритуалистическо-этической религіи откровенія. Хотя вопросъ о томъ, былъ ли Заратустра историческою личностью или миѳической, является спорнымъ,—и есть крупные авторитеты въ области изученія иранскихъ древностей и выдающіеся историки, которые защищаютъ первый взглядъ,—несомнѣнно, однако, что онъ, хотя и принадлежитъ къ легендарному періоду и прославляется какъ сверхъестественное существо, составляетъ конкретное объединеніе, или эпопимъ, опредѣленной реформаціи, совершенной проповѣдью новаго и систематическаго ученія. Это ученіе, религіозное и вмѣстѣ социальное, было по существу этическимъ. Кочевая жизнь хищническихъ ордъ должна была теперь смѣниться осѣдлою жизнью земледѣльцевъ и пастуховъ; почитаніе Девовъ, господствовавшее среди первыхъ, должно было уступить мѣсто почитанію высшихъ существъ, которыя управляютъ природою не въ качествѣ уже натуръ-боговъ, и которыя требуютъ, освящаютъ и защищаютъ чистоту, трезвенность и трудолюбіе. Эти существа, какъ я уже замѣчалъ, бывшія сначала не многимъ болѣе, чѣмъ слабыми персонификаціями абстрактныхъ идей, считались вассалами и слугами дѣйствительнаго Бога, всеумдраго Господа, Агура-Мазды, который ни рожденъ, ни сотворенъ, подобно имъ, и безмѣрно возвышается надъ ними. Если въ позднѣйшее время, когда новая религія распространилась среди племенъ и разныхъ сословій, придерживавшихся культа своихъ предковъ, нѣкоторые изъ старыхъ боговъ и обрядовъ ожили вновь, то они были подчинены Агура-Маздѣ или же превращены изъ боговъ въ заратустровыхъ Яцатовъ, а служеніе имъ было согласовано съ ортодоксальнымъ ученіемъ. Нѣкоторые изъ христіанскихъ, буддійскихъ, и мохаммеданскихъ святыхъ обязаны своимъ происхожденіемъ такому же процессу. Древнее почитаніе Огня было удержано, но удержано на томъ новомъ основаніи, что онъ имѣетъ небесное происхожденіе и есть въ дѣйствительности духъ самого Агура-Мазды. Не было недостатка и въ священномъ писаніи. Авеста, которою мы еще владѣемъ, содержитъ, къ сожалѣнію, скудные, но частію раннѣйшіе фрагменты религіозной литературы, которая и по ту-

земному и греческому преданію была весьма обширна, и какъ источникъ божественнаго откровенія, была сохранена по приказанію правительства въ двухъ автентичныхъ копіяхъ, но потеряна при завоеваніи Персіи Александромъ Великимъ. До настоящихъ дней между парсами Индіи и обитателями нѣкоторыхъ областей Персіи, отличающимися сравнительно съ другими восточными трудолюбіемъ, честностью и чистотой нравовъ, живетъ еще заратустрова религія, представляя почтенное свидѣтельство объ одномъ изъ благороднѣйшихъ религіозно-этическихъ движеній, о которыхъ говоритъ древняя исторія.

Вы можете быть удивлены, что я еще не назвалъ двухъ величайшихъ религій въ мірѣ и наиболѣе широко распространенныхъ—буддизма и христіанства. Какое положеніе должно быть усвоено обоимъ имъ въ классификаціи религій, это вопросъ горячаго спора. Профессоръ Whitney нимало не колебался въ этомъ вопросѣ. Онъ помѣстилъ ихъ естественно въ категорію «религій, происходящихъ отъ индивидуальнаго основателя», или на дѣлѣ въ тотъ же самый классъ, который я предпочитаю называть этическимъ. «Такое начало», говоритъ онъ, «имѣютъ зороастризмъ, мохаммедаство, буддизмъ; и съ точки зрѣнія историка религій вообще, какое бы онъ ни признавалъ различіе въ характерѣ и авторитетѣ основателя христіанства, послѣднее принадлежитъ къ тому же самому классу, поскольку является индивидуальной и универсальной религіей, выросшей изъ религіи, которая ограничивалась однимъ народомъ».

Я привожу эти слова нарочно, такъ какъ они точно указываютъ положеніе, которое должна занять наша наука по отношенію къ нашей собственной религіи. Въ настоящее время мы имѣемъ дѣло только съ морфологической классификаціей религій, а не съ вопросомъ о томъ, которая изъ нихъ по нашему сужденію лучше всего удовлетворяетъ потребностямъ человѣка, или которая всѣхъ превосходитъ, или которая есть единственно истинная религія. Если, поэтому, мы ставимъ христіанство какъ извѣстную форму религіи среди наиболѣе развитыхъ этическихъ религій, то дѣлаемъ это по чисто научнымъ лишь основаніямъ. И если мы относимъ его къ той же самой категоріи, какъ и другія религіи, напр. буддизмъ, то тѣмъ самымъ отнюдь не предполагаемъ, что оно имѣетъ одинаковую религіозную цѣнность. Этотъ пунктъ въ настоящее время мы оставляемъ нерѣшеннымъ; и считали необходимымъ сказать это во избѣжаніе превратнаго пониманія.

Для всякаго очевидно, что между этими двумя религіями и другими этическими религіями есть существенное различіе. Большинство религій ограничиваются отдѣльнымъ народомъ или національностью, и если распространяются и принимаются другими націями, то какъ существенная часть той культуры, къ которой онѣ принадлежать; но эти двѣ религіи однѣ только обращаются нѣ къ одному какому-либо народу, а ко всѣмъ людямъ и ко всякой націи на ихъ собственномъ языкѣ. Иудейство, напримѣръ, допускало прозелитовъ изъ другихъ націй, которые принимали или нѣкоторыя изъ его заповѣдей, или исполняли весь его законъ праведности, но оно никогда не признавало даже послѣднихъ равноправными съ природными сынами Авраама. Между тѣмъ Будда говоритъ: «Мой законъ есть законъ искупленія для всѣхъ», и Христосъ провозглашаетъ: «Одинъ вашъ Отецъ, вы же всѣ братья!» Я знаю, что многіе на первыхъ порахъ должны были соблазняться, когда видѣли, что даже чандалы, которые не принадлежали ни къ какой кастѣ и прикосновеніе къ которымъ оскверняло члена браманческаго общества, допускались въ буддійское общество; точно также хорошо извѣстно и то, что многіе изъ іудео-христіанъ смотрѣли неблагоклонно на проповѣдь евангелія язычникамъ и отказывались ѣсть вмѣстѣ съ христіанами изъ язычниковъ. Но обѣ религіи содержали одинъ и тотъ же великій принципъ съ самаго начала. Словомъ, какъ буддизмъ, такъ и христіанство универсалистичны по своему характеру, тогда какъ всѣ другія этическія религіи до извѣстной степени партикуляристичны. Изъ нихъ мохаммеданство наименѣе партикуляристично. Эта религія также распространяется среди всѣхъ національностей и не дѣлаетъ никакого различія между вѣрующими изъ арабовъ и обращающимися изъ другихъ націй. Но ея священный языкъ, ея обязательное пилигримство въ Мекку и Медину, и установленный до мельчайшихъ подробностей церемоніаль,—дѣлають ее гораздо болѣе партикуляристичной, чѣмъ буддизмъ или христіанство, сравнительно съ которыми она ниже кромѣ того и въ другихъ отношеніяхъ. Родившись изъ комбинаціи іудейства съ ложно понятымъ и извращеннымъ христіанствомъ, и будучи привитъ къ арабской религіи въ то время, когда давало себя чувствовать высшее религіозное развитіе, Исламъ былъ въ дѣйствительности принужденъ усвоить форму универсалистической религіи, если хотѣлъ соперничать съ христіанствомъ; но онъ остался гораздо

болѣ семитскимъ и даже арабскимъ, нежели буддизмъ былъ арійскимъ или индійскимъ, и совершенно лишенъ обще-человѣческаго элемента христіанства и его дивной приспособленности къ самымъ различнымъ потребностямъ человѣка. Профессоръ von Siebeck называлъ поэтому Исламъ *Rückbildung*, уклоненіемъ на низшій уровень; и когда я раньше ставилъ его вмѣстѣ съ буддизмомъ и христіанствомъ въ ряду такъ называемыхъ міровыхъ религій, то нѣкоторые ученые противъ этого протестовали. И я допускаю, что между Исламомъ и этими двумя великими религіями есть существенная разница, поскольку Исламъ не самъ по себѣ произвелъ универсалистическій принципъ въ качествѣ необходимаго слѣдствія своихъ основныхъ воззрѣній, а заимствовалъ его отъ христіанства, и принялъ его больше въ политическомъ, чѣмъ религіозномъ смыслѣ. Въ дѣйствительности универсализмъ Ислама мало отличается отъ прозелитизма іудейства, и представляетъ лишь его распространеніе. Онъ является міровой религіей въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о міровой монархіи,—религіей въ существѣ дѣла національной и постольку партикуляристической, по стремящейся покорить міръ и замѣнить Іерусалимъ Меккой, какъ своей религіозной столицей.

Дальнѣйшее изученіе и размышленіе, однако, заставили меня принять нѣсколько отличный взглядъ на этотъ предметъ сравнительно съ тѣмъ, какой я раздѣлялъ раньше вмѣстѣ съ другими, въ особенности насколько дѣло касается буддизма и христіанства. Въ самомъ дѣлѣ, ставя эти двѣ религіи въ рядъ съ другими этическими религіями, хотя и на высшемъ уровнѣ, не сочетаемъ ли мы, сами того не замѣчая, въ дѣйствительности инородныя явленія? Можемъ ли мы,—и въ этомъ главный вопросъ,—называть ихъ религіями въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ мы говорили объ іудейской, персидской, или какой другой религіи? Я ставлю этотъ вопросъ не потому, что буддизмъ можетъ быть по первоначальному названъ атеистичнымъ, и слѣдовательно совсѣмъ не религіей: по воззрѣнію буддійскаго общества, во всякомъ случаѣ, самъ Будда въ качествѣ ли прославленнаго Сакіа Муни, или въ качествѣ Ади-Будды, стоящаго выше его и окруженнаго свитой другихъ Буддъ, принимался за божество. И во всякомъ случаѣ это затрудненіе не применимо къ христіанству. Но какъ та, такъ и другая религіи являются скорѣе абстракціей, нежели дѣйствительной организацией, не спеціальной религіей, а скорѣе группой или семей-

ствомъ религій, единыхъ по своему началу и нѣкоторымъ общимъ принципамъ, но въ другихъ отношеніяхъ всецѣло различныхъ и даже враждебныхъ,—группой или семействомъ въ томъ же самомъ общемъ смыслѣ, въ какомъ говорится объ арійской или семитической группахъ, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что онѣ сознають это общее начало и взаимное духовное родство, такъ какъ возникли въ историческій періодъ, тогда какъ другія возникли ранѣе этого періода. Каждая изъ этихъ группъ почитаетъ одного и того же Бога, но способъ Его почитанія и понятіе объ Его личности весьма различны. Всѣ христіанскія церкви основываются на одномъ и томъ же, или почти одномъ и томъ же священномъ писаніи, — у буддистовъ даже и въ законѣ есть различія, — но всѣ онѣ держатся различныхъ взглядовъ какъ на пользованіе, такъ и на истолкованіе этихъ древнихъ памятниковъ. Словомъ, если мы можемъ опредѣлить религій, какъ «способы почитанія Божества, свойственные различнымъ племенамъ, націямъ, или обществамъ, и основанные на вѣрѣ, раздѣляемой членами ихъ каждымъ въ отдѣльности» ¹⁾, то опредѣленіе это оказывается примѣнимымъ къ различнымъ буддѣйскимъ и христіанскимъ церквамъ и сектамъ, но не приложимо ни къ буддизму, ни къ христіанству, какъ таковому. Они лежатъ внѣ границъ нашей морфологической классификаціи. Они являются могущественными откровеніями нравственно-религіознаго духа, которыя, распространившись чрезъ проповѣдь, побѣдили старыя религій, съ которыми они приходили въ соприкосновеніе, порою послѣ долгой лишь борьбы, проникли ихъ болѣе или менѣе своими высшими принципами, и такимъ образомъ всецѣло реформировали ихъ. Эта проповѣдь, эта борьба и это сраствореніе, или — такъ можно сказать — компромисъ, дали затѣмъ начало тѣмъ родственнымъ между собою религіямъ и церквамъ, но совершенно различнымъ по своему характеру и развитію, которыя мы называемъ въ ихъ совокупности буддизмомъ или христіанствомъ. Къ какой ступени развитія принадлежитъ каждая изъ этихъ церквей, это составляетъ уже предметъ дальнѣйшаго спеціальнаго изслѣдованія.

Вы вѣроятно замѣтили, насколько важное значеніе и широкое примѣненіе имѣють сдѣланныя мною замѣчанія, въ отношеніи какъ къ теоріи, такъ и практикѣ. Но въ настоящее время

¹⁾ Encyclopaedia Britannica, art. „Religions.“

сказаннаго достаточно. Мы не имѣемъ теперь нужды входить въ подробное раскрытіе этихъ мыслей, а должны постараться очертить и характеризовать ходъ религіознаго развитія на этической его ступени.

Всѣ религіи, достигшія этого уровня развитія, первоначальнаго были личными религіями, возникшими изъ этико-спиритуалистическаго движенія того или другаго рода. Всѣ ли онѣ были основаны однимъ опредѣленнымъ лицомъ, или лучше сказать — всѣ ли онѣ произошли изъ ума одного отдѣльнаго мыслителя, или изъ души одного благочестиваго человѣка, этотъ вопросъ долженъ остаться нерѣшеннымъ. Каждая изъ нихъ, правда, называетъ извѣстнаго основателя, какъ посредника, чрезъ котораго Божество сообщило высшее откровеніе людямъ; по относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. Будды или Заратустры, были сомнѣнія, — справедливыя или нѣтъ, намъ нѣтъ нужды останавливаться на этомъ вопросѣ, — представляютъ ли они историческія личности или чисто мифическія. Во всякомъ случаѣ, та этическая реформа, откуда возникли эти религіи, должна была быть вызвана или могучей профетической натурой, которая собирала около себя кругъ учениковъ или родственныхъ душъ, хотя и стояла гораздо выше послѣднихъ, или небольшимъ кружкомъ религіозныхъ мыслителей, душою и жизнью для которыхъ все же долженъ былъ быть какой-нибудь неизвѣстный вождь, — во всякомъ случаѣ, онѣ являются обнаруженіями индивидуализма, именно достигшаго своей зрѣлости и независимости религіознаго чувства отдѣльнаго ли лица, или группы единомысленныхъ лицъ, въ борьбѣ съ традиціонной религіей государства или общества. И послѣдующая ихъ исторія всегда выдаетъ такое происхожденіе. Родившись среди борьбы и усилій, выростая среди угнетенія и преслѣдованій, и не смотря на это создавая, — иногда весьма быстро, иногда же только послѣ многолѣтней или вѣковой борьбы, — болѣе или менѣе могущественныя общества, которыя играютъ значительную роль въ міровой исторіи, онѣ всегда сохраняютъ неизгладимый знакъ своего происхожденія.

Посмотримъ же, какое значеніе имѣетъ это обстоятельство для развитія религіи.

На первомъ мѣстѣ должно отмѣтить важное измѣненіе въ понятіи объ откровеніи. Идея откровенія обща всѣмъ религіямъ, какъ бы различно ни истолковывался смыслъ этого названія. Даже натурь-боги открываютъ себя чрезъ своихъ ора-

куловъ и пророковъ, чрезъ знаменія и чудеса (*omina et portenta*), которыя наблюдаются или повидимому замѣчаются въ природѣ, особенно въ небесномъ сводѣ, или въ какомъ-нибудь уклоненіи отъ обычнаго хода вещей. Но всѣ эти откровенія, хотя они и не оставляются совершенно, и въ послѣдствіи являются опять въ измѣненной формѣ, заслоняются однимъ великимъ откровеніемъ новаго ученія, которое признается содержащимъ въ себѣ весь законъ Божій. Сначала это ученіе бываетъ неопредѣленно, находится еще такъ сказать въ состояннн текучести, представляетъ еще живое слово, авторитетъ коего зависитъ исключительно отъ истины, которую оно выражаетъ, и того отклика, который оно находитъ въ сердцахъ слушателей. Но переходя отъ первыхъ вѣрующнхъ къ послѣдующему поколѣнію, которое не было свидѣтелемъ происхожденія реформации, и умножаясь чрезъ прибавленія и толкованія, которыя первоначально не принадлежали къ нему, это ученіе принимаетъ наконецъ твердую форму; и его принятіе не ставится уже въ зависимость отъ его собственнаго духовнаго дѣйствія и убѣждающей силы, а начинаетъ вмѣняться въ обя-зательный долгъ. Книги, въ которыхъ оно сообщается въ формѣ ли историческаго разсказа, или рѣчей, или закона, или діалоговъ между Богомъ и посредникомъ, назначавшіяся сначала для того лишь, чтобы напоминать о немъ вѣрующимъ и назидать ихъ, объединяются въ позднѣйшій періодъ съ другими книгами гораздо болѣе поздняго происхожденія въ одинъ сборникъ, и на этотъ послѣдній постепенно переносится весь авторитетъ, первоначально приписывавшійся самому откровенію. То же самое смѣшеніе идей, которое въ натурь-религіяхъ—и даже высшихъ религіяхъ—приводитъ къ отождествленію образа и символа съ духомъ, идола съ богомъ, въ данномъ случаѣ приводитъ къ отождествленію откровенія и содержащагося въ немъ ученія съ писаніемъ, въ которомъ оно сообщается. Между тѣмъ и другимъ теперь не дѣлается никакого различія. Если ученіе древне, то и книга не должна быть болѣе поздней, а должна имѣть подобно ему божественное и сверхъестественное происхожденіе, и не могла быть написана подобно другимъ книгамъ. Рши, священные пѣвцы ведическихъ гимновъ, не составили эти гимны, а дѣйствительно вѣдѣли ихъ. Сами Веды не были ни составлены, ни сотворены, а существовали вмѣстѣ съ божествомъ прежде еще творенія. Есть и другія священныя писанія, но они не могутъ равняться съ этой книгой

откровенія. Браманъ дѣлаеть строгое различіе между Сраутасутрамі и Смартасутрамі; первыя основываются на божественномъ откровеніи, послѣднія—только на священномъ преданіи. Маздаясны хорошо знали и допускали, что до Заратустры втеченіе вѣковъ господствовалъ способъ богопочтенія, отличный отъ введеннаго имъ, но утверждали, что откровеніе было сдѣлано этому пророку при самомъ твореніи и только сообщено было имъ людямъ много позже. Древнѣйшая изъ священныхъ молитвъ, молитва Агуна-ваиріа, которую стоитъ только сказать, чтобы обратить Девовъ въ трепеть и бѣгство, есть ни что иное, какъ слово творенія, которымъ Всемудрый призвалъ все къ жизни; и всѣ части Авесты, древнѣйшія записи, и Гатхи въ особенноти, почитались какъ божественныя существа. Равнымъ образомъ и китайцы ставятъ Книги, каноническія книги, выше Шу, или классическихъ книгъ, хотя соотвѣтственно своему національному характеру и не обнаруживаютъ столько энтузіазма въ ихъ почитаніи, какъ индійцы и персы. Эти взгляды не совершенно новы. Въ сѣмени, въ зародышѣ они находятся уже и въ естественныхъ религіяхъ. Послѣднія также имѣють свои священные писанія, изъ коихъ нѣкоторыя предписывалось употреблять въ ихъ ритуалѣ, поскольку они обладали особенною силою изгонять злыхъ духовъ, а другія содержали ихъ священные преданія. Но эти писанія иного рода. Это не религіозный законъ, или правила вѣры, или канонъ. Только въ этическихъ религіяхъ мы впервые встрѣчаемся съ книгами, облеченными божественнымъ авторитетомъ, въ которыхъ содержится вся богооткровенная истица, и отъ которыхъ никто не смѣеть отступать.

Ясно, какое дѣйствіе это обстоятельство должно имѣть на развитіе религіи. Оно должно быть, несомнѣнно, препятствіемъ, однако въ меньшей степени, чѣмъ предполагають обычно. Вы можете вырастить дерево по извѣстной фигурѣ, обрѣзать и стѣснять его; но если оно сильно и здорово, оно непремѣнно будетъ расти, не смотря на всѣ стѣсненія, и въ концѣ концовъ, прорвется чрезъ всѣ преграды. Несомнѣнно, «буква убиваетъ». Ея авторитетъ губителенъ для всякаго прогресса. вмѣстѣ съ твердо установленнымъ ученіемъ, и слѣдовательно вмѣстѣ съ этическими религіями впервые является въ дѣйствительности религіозная нетерпимость. Въ натурь-религіяхъ чужеземные боги и обряды могутъ быть изгоняемы, люди, которые ввели ихъ, могутъ подвергаться наказанію, философы, крити-

кующіе національную религію, могутъ быть преслѣдуемы, но все это только потому, что религія представляетъ государственное учрежденіе, и тѣ, кто подрываютъ ее, являются плохими гражданами и измѣнниками своей странѣ. Это случается порой и съ этическими религіями, когда именно онѣ являются религіями государственными. Но идея о невѣрующихъ, еретикахъ, которыхъ обзываютъ дьяволами и чудовищами за то, что они говорятъ инымъ религіознымъ языкомъ, впервые появляется въ этихъ религіяхъ. Нельзя, конечно, цѣнить ни во что всю кровь, которая была пролита во имя того, что считается самымъ священнымъ, всѣ ужасныя *autos-da-fé*, «дѣянія вѣры», менѣе заслуживающія извиненія, чѣмъ человѣческія жертвы въ долинѣ Гехинномской. Но мы можемъ питать отвращеніе къ инквизиціи, можемъ раздѣлять убѣжденіе, что всякое религіозное преслѣдованіе и принужденіе совѣсти происходятъ отъ лукаваго, и тѣмъ не менѣе признать, что собраніе древнѣйшихъ записей въ одинъ священный сборникъ и усвоеніе ему особенной цѣнности двигали впередъ развитіе религіи и были необходимымъ для него средствомъ, особенно въ то время, когда человѣчество находилось еще въ состояніи незрѣлости и варварства. На юное общество была наложена чрезъ это благодѣтельная узда, удерживавшая его отъ слишкомъ большихъ уклоненій отъ его первоначальнаго характера; прекрасныя преданія о героическомъ періодѣ его происхожденія, воспоминаніе о его «первой любви», чрезъ это были сохранены съ большею надежностью; драгоценныя памятники хранились благодаря этому съ чрезвычайною заботливостью; люди считали благодаря этому необходимымъ постоянно заниматься ими и изъяснять ихъ для назиданія и наученія, поскольку они съ непререкаемымъ авторитетомъ свидѣтельствовали противъ вкравшихся злоупотребленій. Никакой прогрессъ не можетъ быть прочтенъ, если онъ не коренится въ высшемъ развитіи прошедшаго, и это послѣднее можетъ быть узнано только изъ писаній. Если необузданная фантазія вѣрующаго создаетъ всякаго рода неразумныя понятія о происхожденіи этихъ писаній, вслѣдствіе копнхъ уваженіе превращается въ почитаніе и даже идолатрію, или если реакціонерное духовенство ревниво оберегаетъ букву, не понимая ея духа, или если невѣжественная толпа удовлетворяется одними лишь звуками, и низводитъ достопочтенное наслѣдіе до положенія фетиша, то всегда однако найдутся люди, которые проникаютъ болѣе глубоко въ эти па-

мятники и открываютъ здѣсь сокровища, скрытыя для большинства другихъ. И когда настаетъ время для новаго обнаруженія религіознаго чувства, для новаго откровенія религіозной идеи, и для новой формы религіознаго общества, такія лица образуютъ звенья между великимъ прошедшимъ и совершенно новой эрой. И когда изъ презрѣннаго Назарета, откуда не могло выйти ничего добраго, начинается сіять челоувѣчеству заря новой жизни, или когда свѣтъ божественной истины, сокрытый втеченіе вѣковъ самолюбіемъ, затемненный невѣжествомъ, помраченный суевѣріемъ, внезапно прорывается съ новымъ блескомъ въ душѣ Виклифа или Лютера, источникъ этого свѣта всегда можно отыскать въ ревностномъ изслѣдованіи писаній въ галилейской веси, въ монастырѣ или кельѣ, и въ глубокомъ впечатлѣніи, производимомъ имъ на благочестивыя души.

Другихъ не менѣ важнымъ слѣдствіемъ особеннаго происхожденія этическихъ религій является образованіе болѣе или менѣ прочныхъ обществъ, отличныхъ отъ національнаго или политическаго общества, и до извѣстной мѣры независимыхъ отъ него. вмѣстѣ съ этическими религіями возникаетъ церковь, такъ какъ каждая изъ нихъ необходимо воплощается въ какой-либо церкви. Позволю себѣ мимоходомъ замѣтить, что я не желалъ бы отказаться отъ слова «церковь»,—не въ филологическомъ, разумѣется, смыслѣ, а въ смыслѣ того понятія, которое обычно соединяется съ этимъ словомъ. Всѣ германскіе народы—англо-саксы, скандинавы, верхне- и нижне-германцы—употребляютъ слово, обычно производимое отъ греческаго τὸ χορηχόν, ἡ χορηχὴ, нѣкоторыми отъ латинскаго *curia*, а профессоромъ Wackernagel'емъ, выдающимся авторитетомъ, отъ кельтскаго *curch*; но во всякомъ случаѣ оно прилагалось первоначально къ зданію, гдѣ собирались для богослуженія, и отсюда затѣмъ было перенесено и на самое общество. Всѣ романскіе народы, съ другой стороны, пользуются греческимъ словомъ ἐκκλησία—*ecclesia*, *église*, *chiesa*,—которое въ дохристіанскія времена означало собраніе народа. Но въ послѣднее время, по крайней мѣрѣ на континентѣ, нѣкоторые религіозные радикалы обнаружили стремленіе изгнать слово въ обѣихъ указанныхъ формахъ и замѣнить ихъ словомъ общество или конгрегация. Люди видѣли, и даже можетъ быть на самихъ себѣ испытали, такъ много религіозныхъ преслѣдованій со стороны существующихъ церквей, и такъ много противо-

дѣйствія свободному религіозному развитію, что предпочитаютъ слово общество, поскольку оно лучше выражаетъ характеръ добровольнаго союза. Я боюсь, однако, какъ бы это не повело къ прискорбному смѣшенію терминовъ, и, что еще хуже, къ религіозной анархіи. Религіозное общество столь же мало составляетъ церковь, какъ и гражданское общество—государство. Слово церковь мы прилагаемъ не къ какой-нибудь единичной церковной формѣ или специфической церковной системѣ, какъ напр. римско-католической, но ко всѣмъ религіознымъ организациямъ, гдѣ бы онѣ пространственно ни находились, точно такъ же какъ мы употребляемъ слово государство, говоримъ ли о деспотической или конституціонной монархіи, или федеративной республикѣ, или о той «единой и недѣлимой», которая постоянно представляетъ разительный примѣръ внутреннихъ раздѣленій. Мы удерживаемъ поэтому слово церковь и будемъ прилагать его въ конкретномъ смыслѣ къ тѣмъ болѣе или менѣе независимымъ религіознымъ организациямъ, которыя обнимаютъ нѣсколько однородныхъ обществъ, и въ общемъ, въ абстрактномъ смыслѣ, ко всей области религіи, поскольку послѣдняя обнаруживается самостоятельно въ обществѣ.

Это небольшое отступленіе было необходимо, чтобы видѣть основанія высказаннаго мною взгляда, что церковь получаетъ бытіе съ возникновеніемъ этическихъ религій. Мы должны, однако, опять обернуться нѣсколько назадъ. Дѣло въ томъ, что зерно этого развитія также скрывается въ прошедшемъ. Въ натуръ-религіяхъ организация богослуженія совпадаетъ еще съ организаціей соціальной жизни, и слѣдовательно, соответственно степени развитія послѣдней, съ семьей, съ племенемъ, съ государствомъ или народомъ. Въ главѣ семьи объединяются высшая гражданская власть и религіозное представительство. Въ Египтѣ царь и его сыновья облакаются высшими жреческими достоинствами, и другіе жрецы являются просто лишь ихъ замѣстителями, назначенными ими, служебными лицами, которые въ то же время исполняютъ гражданскія и даже военныя обязанности. То же самое было въ Вавилонѣ и Ассиріи, гдѣ цари придавали великое значеніе своему священническому званію. Въ Греціи и Римѣ та же самая традиція укоренилась столь твердо, что въ Аѳинской республикѣ архонтъ, руководившій общественнымъ культомъ, назывался βασιλεύς, а въ Римской республикѣ патрицій, завѣдывавшій древними *sacra*, по-

лучилъ названіе Rex, тогда какъ санъ Pontifex Maximus перешелъ на временнаго главу государства.

Постепенно, однако, разныя стороны духовной жизни, наука и философія, искусство и нравственность, но прежде всего религія, пытаются въ границахъ государства освободиться отъ его господства. Это совершается главнымъ образомъ двумя путями. Первый состоитъ въ томъ, что образуются могущественныя сословія духовенства, и пользуются тѣмъ уваженіемъ, которое оказываетъ имъ народъ, и тѣмъ вліяніемъ, которое они пріобрѣтаютъ такимъ образомъ, чтобы получить верхъ надъ правительствомъ, или по крайней мѣрѣ диктовать ему предписанія, и даже совершенно устранить его, когда представится удобный случай. Это духовенство на первыхъ порахъ представляетъ профессію, которая не только посвящаетъ себя религіи, но исключительно управляетъ и всей интеллектуальной жизнью и, доколѣ возможно, заботится, чтобы наука, — если таковая уже существуетъ, — литература и искусство не вышли изъ-подъ ея авторитета. Равнымъ образомъ и въ государствѣ эта профессія всячески старается получить руководящую роль и заправлять всѣми другими профессіями. Ради этой цѣли оно продолжаетъ оставаться въ тѣсномъ союзѣ съ государствомъ. Никто еще не помышляетъ о независимости религіи и ея представителей. Но тутъ остается два выбора. Или священники и ученые являются могущественными слугами царя, или же они управляютъ государствомъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, вслѣдствіе своей непригодности для такой задачи, обычно приводятъ свою страну на самый край гибели. Но хотя государство и религія — причѣмъ послѣдняя представляется еще профессіей, въ которой сосредоточивается вся интеллектуальная, эстетическая и этическая жизнь народа, — остаются еще неразрывно связанными, однако стремленіе этой профессіи получить господство надъ свѣтской властью служить доказательствомъ, что духовный и особенно религіозный элементъ начинаетъ все болѣе и болѣе сознавать свое достоинство и стремится достигъ независимости.

Другое, и болѣе рѣшительное, средство заключается въ образованіи небольшихъ союзовъ, которые ставятъ своей цѣлью восполнить оффиціальную религію или стать на ея мѣсто. Это стремленіе обнаруживается даже въ религіяхъ, въ которыхъ господствуетъ анимизмъ. У сѣверо-американскихъ индійцевъ оно приводитъ къ образованію небольшихъ кружковъ, въ ко-

торые никто не допускается безъ предварительнаго строгаго испытанія въ самообладаніи и постоянствѣ, послѣ чего члены этихъ кружковъ считаются стоящими гораздо выше остальныхъ соплеменниковъ и находящимися въ ближайшей связи съ высшими духами. Подобныя тайныя общества встрѣчаются также среди полинезійцевъ и даже негровъ. Съ такого же рода обществами мы встрѣчаемся и въ высшихъ религіяхъ,—хотя здѣсь они, конечно, одушевляются болѣе чистыми идеями и стоятъ въ большемъ соотвѣтствіи съ высшей цивилизаціей,—каковы напр. разныя китайскія, индѣйскія, и персидскія секты, ессеи въ Израилѣ, ганифиты въ Арабіи, элевзинскія мистеріи, пнеагорейцы, орфики, неоплатоники въ Греціи, и,—чтобы указать другой примѣръ,—монашескіе ордена и секты въ средніе вѣка. Эти союзы рѣдко переживаютъ религіи, изъ которыхъ они вышли, и иногда вымираютъ даже раньше послѣднихъ. Но при благопріятныхъ обстоятельствахъ, когда созрѣваетъ время и потребность реформы становится настоятельною, они вырастаютъ въ обширныя общества, которыя соперничаютъ съ господствующей религіей и послѣ долгой или короткой борьбы совершенно побѣждаютъ ее. Всѣ этическія религіи или церкви возникли изъ такихъ небольшихъ обществъ, для которыхъ душою и жизнью обычно служить какой-нибудь высоко одаренный вождь. И эти церкви обладаютъ, благодаря этому, извѣстной независимостью отъ національнаго и политическаго общества. На первыхъ порахъ онѣ ограничиваются своимъ собственнымъ народомъ, и направляютъ всѣ усилія единственно къ тому, чтобы реформировать или замѣнить туземный культъ. Однако онѣ не совпадаютъ уже съ народомъ, какъ ихъ старая религія. Извѣстное число лицъ, или даже большинство, держится вдали отъ нихъ и остается вѣрнымъ традиціонной вѣрѣ своихъ предковъ. Иногда новыя ученія отвергаются народомъ, въ которомъ они получили свое начало, какъ это случилось на самыхъ первыхъ порахъ съ христіанствомъ въ Израилѣ и, послѣ долгой борьбы, съ буддизмомъ въ Индіи. И даже тѣ религіи, которыя сначала не стремятся къ универсализму, всегда готовы при извѣстныхъ условіяхъ допустить въ свое общество иноземцевъ. Здѣсь можно указать на туранскихъ заратустрианъ, упоминаемыхъ въ Авестѣ, прозелитовъ іудейства, обращеніе японцевъ въ конфуціанизмъ, а также дравидовъ и другихъ неарійскихъ народовъ Индіи въ браманизмъ.

Этическія религіи, и даже высшія изъ нихъ, какъ буддѣй-

ская и христіанская группы, также могутъ стать государственными религіями. Но онѣ являются таковыми лишь въ качествѣ привилегированныхъ сравнительно съ другими церквей, а не какъ совпадающія съ государствомъ; и какъ таковыя, онѣ образуютъ отдѣльный организмъ, и не могутъ препятствовать гражданамъ учреждать другія церковныя общества, независимыя отъ государства.

Возникновеніе такихъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ церквей является важнымъ факторомъ въ исторіи религіознаго развитія. Вызванныя къ жизни религіознымъ самосознаніемъ, онѣ имѣютъ своимъ назначеніемъ, и даже обязаны, главнымъ образомъ защищать этотъ принципъ. Съ ихъ рожденія ведетъ свое начало эмансипація религіи. Мы указали уже, какое важное значеніе для развитія имѣетъ сохраненіе во всей чистотѣ преданія, и какъ невозможенъ истинный и прочный прогрессъ, если онъ не коренится твердо въ преданіи и не выходитъ изъ послѣдняго. Полномочной хранительницей этого-то преданія, заключеннаго въ священныхъ памятникахъ, и является теперь церковь. Задача ея служителей и ея органовъ состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать эти документы, изъяснять ихъ, и согласовать содержащіеся въ нихъ принципы и ученіе съ вѣчно измѣняющимися и возвышающимися потребностями вѣка. Она должна укрѣплять преданную въ нихъ истину въ своихъ членахъ, должна защищать ее отъ нападковъ со стороны и повсюду распространять ее. Но она можетъ дѣлать это только въ томъ случаѣ, когда вполне сознаетъ свое надлежащее призваніе, и когда посвящаетъ себя исключительно исполненію той задачи, на которую она одна только способна и уполномочена. Она имѣетъ право на господство въ своей собственной области, въ области совѣсти, духовной жизни, или религіознаго убѣжденія. Никакая власть въ мірѣ, разумѣю внѣшнюю власть, не можетъ повелѣвать ей въ этомъ дѣлѣ. Но она теряетъ свои права, какъ скоро вторгается въ чуждую ей область, какъ скоро начинаетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ честолюбія и собственныхъ выгодъ, и отказывается въ свободѣ другимъ, которой требуетъ для себя, какъ скоро начинаетъ господствовать надъ государствомъ, надъ наукой, философіей и искусствомъ, и такимъ образомъ препятствовать развитію другихъ проявленій духовной жизни человѣка. Ложно судятъ о церкви и несправедливо относятся къ духовенству, къ какому бы исповѣданію оно ни принадлежало, въ томъ случаѣ, когда

смотря на церковь саму по себѣ какъ на препятствіе по пути прогресса, и осуждаютъ и ненавидятъ ее на этомъ основаніи. Но обычно такое превратное сужденіе обусловливается ея же собственными претензіями и мірскимъ честолюбіемъ. Какъ блюстительница высочайшихъ интересовъ человѣчества, какъ представительница безконечнаго въ конечномъ, какъ сущая въ мірѣ, но не отъ міра, она имѣетъ высокое призваніе, но только если она не отрекается отъ него чрезъ омірщеніе себя, черня свои свѣтлыя одежды въ волненіи политическихъ страстей, соціальной вражды и борьбы за матеріальные интересы; если она—и это главное—продолжаетъ развиваться и оставаться живымъ обществомъ, не каменѣетъ и не коснѣетъ въ устарѣвшихъ формахъ, когда духъ, который дышетъ, гдѣ хочеть, требуетъ уже другихъ; если она не теряетъ вѣры въ силу истины и независимость религіи, отчаяваясь такимъ образомъ въ самой себѣ и своемъ призваніи, и не пытается поддерживать ихъ виѣшнимъ авторитетомъ или превращаетъ ихъ въ мумію,—словомъ, если она остается живой свидѣтельницей живой религіи.

Когда церковь или религіозное общество перестаетъ быть такою живой церковью, она становится препятствіемъ для религіознаго развитія, или — говоря точнѣе — перестаетъ содѣйствовать ему. Могучій потокъ развитія сильнѣе, чѣмъ тѣ преграды, которыми какая-нибудь церковь пыталась бы удержать его, и продолжаетъ идти своимъ ходомъ, не взирая на нее и безъ ея помощи. Это приводитъ насъ къ третьему слѣдствію особеннаго происхожденія этическихъ религій—именно, что индивидуализмъ, изъ котораго онѣ родились, никогда не можетъ быть всецѣло подавленъ силою общества. Обратно, индивидуализмъ никогда не можетъ убить религіи. Я не утверждаю, что какая-нибудь этическая религія не можетъ погибнуть, будучи вытѣснена высшей силою другой религіи. Но я знаю, что этого никогда не случалось. Это замѣчательный фактъ, заслуживающій тщательнаго вниманія. Всѣ натурь-религіи древности, даже самыя высшія и прекрасныя, умерли вмѣстѣ съ народами, коимъ онѣ принадлежали—египетская и халдейская, греческая и римская, германская и славянская, и многія другія. Этическія религіи, напротивъ, имѣютъ индивидуальность, достаточно сильную противустоять даже самымъ насильственнымъ переворотамъ. Персидская имперія стала добычей мохаммеданскихъ завоевателей и усвоила ихъ религію.

Однако религія Заратустры все еще живетъ, хотя отчасти въ изгнаніи, и процвѣтаетъ главнымъ образомъ въ Индіи, гдѣ она нашла гостепрѣимство. Религія Конг-тсе, уже имѣвшая соперника въ популярномъ таоизмѣ, нашла другаго соперника въ буддизмѣ (правда, презираемомъ высшими классами, но широко распространенномъ среди низшихъ), и однако успѣла удержать за собою поле противъ обоихъ. Объ іудействѣ, представляющемъ другой примѣръ, достаточно лишь упомянуть. Израиль разсѣянъ по всему міру. Его единство и независимость какъ націи уничтожены. Онъ живетъ между гоимъ, говоритъ ихъ языкомъ, подчиняется ихъ законамъ, повинуется ихъ государямъ. Но повсюду онъ несетъ съ собою свой Законъ и своихъ Пророковъ и остается вѣрноп своимъ древнимъ преданіямъ. Двѣ могучія вѣтви вышли изъ его ствола, и сами уже сдѣлались широко-вѣтвистыми деревьями, а старое дерево еще стоитъ съ крѣпкими корнями и въ полномъ разцвѣтѣ. Это типъ развитія въ этическомъ періодѣ. Общество, которое обязано своимъ происхожденіемъ индивидуальному благочестію, никогда не можетъ совершенно отрицать право за этимъ благочестіемъ, и черпаетъ въ немъ реформирующую силу, которая позволяетъ ему долгое время идти въ уровень съ общимъ развитіемъ. Само общество, какъ хранитель и истолкователь источниковъ откровенія, откуда оно возникло, своею проповѣдью и обученіемъ воспитываетъ индивидуальное благочестіе, и безсознательно учитъ другихъ открывать въ немъ зародыши чего-то высшаго, нежели оно само реализировало или въ состояніи реализовать. Тогда, трепеща за свое собственное существованіе, пугаясь смѣлыхъ идей своихъ собственныхъ сыновъ, которыхъ оно не въ состояніи понять, оно извергаетъ ихъ, или же они уходятъ добровольно сами, такъ какъ въ старыхъ границахъ имъ становится слишкомъ тѣсно. Не будемъ скорбѣть объ этомъ: здѣсь не возвращеніе назадъ, а дѣйствительный прогрессъ. Лучше будемъ оплакивать мелкія раздѣленія и религіозныя разногласія, и ту слѣпую ненависть, которая, вмѣсто того, чтобы бороться съ заблужденіемъ, преслѣдуетъ заблуждающагося. Будемъ лучше радоваться все болѣе и болѣе увеличивающемуся богатству разнообразій и возрастающей опредѣленности и силѣ личностей. Это есть вѣрный путь развитія, единственный путь отъ мертваго или умирающаго единства, которое смотритъ на форму какъ на самое важное, къ духовному единству, къ обществу святыхъ, которое.

оставаясь вѣрнымъ своимъ излюбленнымъ убѣжденіямъ, можетъ открывать истинное благочестіе подъ разнообразными формами и находить радость въ томъ, что каждый можетъ прославлять Бога на своемъ собственномъ языкѣ, на языкѣ, который онъ лучше всего понимаетъ, который льется изъ его собственной души.

Этими тремя главными пунктами, на которые я обратилъ ваше вниманіе, далеко однако не исчерпывается вопросъ о томъ, какое мѣсто должно быть отведено этическимъ религіямъ въ исторіи развитія. Нѣкоторыми высказывалась мысль, что эти религіи, при своемъ возникновеніи по крайней мѣрѣ, были болѣе или менѣе строго монотеистическими, или же пантеистическими, и что только въ позднѣйшее время допускали пережитки политеистическаго натурь-культа. И съ нѣкоторымъ основаніемъ дѣйствительно можно утверждать, что религія, истекающая изъ личнаго благочестія, необходимо должна быть или монотеистической или пантеистической. Другой вопросъ въ томъ, въ какой мѣрѣ спиритуализмъ, который несомнѣнно свойственъ этическимъ религіямъ, и который обнаруживается въ дѣлающемся все болѣе и болѣе суровымъ отрицаніи міра и самоочищеніи, во враждебности всему естественному и гуманистичному, въ оппозиціи искусству и наукѣ, торговлѣ и индустріи, и въ ученіи объ искупленіи, которое не видитъ никакихъ иныхъ путей избавленія отъ золъ этого міра кромѣ прекращенія своего существованія, — въ какой мѣрѣ этотъ пессимистическій и аскетическій спиритуализмъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ религіозно-моральная эволюція, или же въ немъ нужно видѣть скорѣе преувеличенную реакцію противъ того натурализма, который желали побѣдить его приверженцы. Эти вопросы, однако, не только слишкомъ широки, чтобы заниматься ими здѣсь, но при настоящемъ состояніи нашей науки едва ли созрѣли для рѣшенія. Въ настоящее время они даютъ лишь указаніе тѣхъ направленій, какія должны принять наши научныя изысканія, и требуютъ еще тщательнаго и многосторонняго изслѣдованія. Въ нѣсколько пной связи мы еще встрѣтимся съ этими вопросами впоследствии.

Остается, однако, еще одинъ важный вопросъ, на который многіе желали бы получить отвѣтъ. Этическія религіи, особенно тѣ, которыя принадлежать къ числу универсалистическихъ, и прежде всего къ христіанской группѣ, суть высшія, какія мы только знаемъ, высшія существующія на лицо религіи. Суть ли

онѣ и высшія мыслимыя? Можемъ ли мы сказать, что наука не способна дать на это отвѣтъ, потому что она основывается на опытѣ, и можетъ имѣть дѣло только съ тѣмъ, что подлежить воспріятію, что получило уже опредѣленную форму, а не съ тѣмъ, что принадлежитъ къ области будущаго и гипотетическаго? Естественная наука, во всякомъ случаѣ, дѣлаетъ предсказанія, которыя оправдываются дѣйствительностью. Можно ли считать духовныя науки неспособными дѣлать то же самое? Развитие религіи представляетъ, какъ уже сказано, трудъ человѣческаго духа создать болѣе и болѣе совершенныя формы для вѣчно растущихъ потребностей религіозной души. Можемъ ли мы признать, что этотъ трудъ уже конченъ, и что творческая сила человѣческаго духа исчерпана? Замѣьте, что вопросъ идетъ не о томъ, можемъ ли мы еще ожидать высшаго откровенія, нежели дарованное человѣку въ христіанствѣ. Даже тѣ, которые подобно мнѣ убѣждены, что Евангеліе, правильно понимаемое, содержитъ вѣчные принципы истинной религіи, могутъ представить себѣ, что кромѣ существующихъ этическихъ религій, и вѣроятно изъ ихъ лона, родятся еще другія религіи, которыя лучше и гораздо полнѣе будутъ удовлетворять этимъ принципамъ и, можетъ быть, будутъ тогда представлять нѣсколько иной характеръ сравнительно съ религіями, которыя мы опредѣлили какъ этическія или супранатуралистическія. Тѣ, кто внимательно всматривается въ переживаемое нами время, не могутъ быть слѣпыми къ тѣмъ новымъ стремленіямъ, которыя время отъ времени обнаруживаютъ себя, и которыя даютъ намъ право составить нѣкоторое понятіе о томъ характерѣ, который вѣроятно примутъ эти новыя формы. Таковъ нашъ общій и прелиминарный отвѣтъ на этотъ важный вопросъ. Болѣе опредѣленный отвѣтъ мы будемъ въ состояніи, можетъ быть, дать послѣ того, какъ прослѣдимъ не только ступени религіознаго развитія, но опредѣлимъ и различныя направленія, по коимъ оно движется. Этой послѣдней задачѣ и будетъ посвящено наше ближайшее чтеніе.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки